

3. Mandzhiev N. C. Kalmyckaja proza o deportacii: koncepcija cheloveka. Mажkop, 2005. 23 p.
4. Otarova M. B. Hudozhestvennoe osmyslenie problemy deportacii (na materiale literatur narodov Severnogo Kavkaza i Kalmykii). Nal'chik, 2006. 18 p.
5. Sulaev M. Gory molchat, no pomnjat. (Na chechenskom jazyke). Groznyj, 1990.

ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ОСОБЫЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР¹

Озерова Елена Григорьевна, доктор филологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: ozerova@bsu.edu.ru.

В статье рассматривается лирикопрозаический текст как особый речевой жанр, в центре которого находится эготоп, репрезентирующий системы культурных и социально-психологических принципов поведения человека, социализированного в русской культуре.

Ключевые слова: лирикопрозаический текст, эготоп, культурная память, авторское восприятие

LIRICOPROZAIC TEXT AS A SPECIAL SPEECH GENRE

Ozerova Elena G., Doctor of Philology, Belgorod State National Research University, 308015, Russia, Belgorod, 85 Pobeda st., e-mail: oze-rova@bsu.edu.ru.

The article considers the lyric prosaic text as a distinct speech genre with egotope in its centre which represents the systems of cultural and social psychological principles of human behavior within the Russian culture.

Keywords: lyric prosaic text, egotope, cultural memory, author's perception

Как новое направление в изучении художественного текста когнитивная поэтика стремительно расширяет исследовательское пространство, в котором, однако, лирикопрозаический текст до сих пор остаётся практически не изученным феноменом словесно-художественной культуры. Своеобразие лирикопрозаического текста заключается в особом духовно-чувственном мышлении на грани поэтического нарратива и художественного философствования о смысле и ценности жизни, панорамной репрезентации действительности через преломление Я-пространства и культурно-исторической действительности. В дискурсе лирикопрозаического текста эти категории настолько имплицитны, скрыты в лабиринтах образной речи, что для их экспликации требуется такой методологический подход и такой исследовательский инструментарий, который бы мог служить средством этнокультурологического моделирования дискурсивного пространства русской лирической прозы.

Когнитивно-прагматическая интерпретация речеванровой природы лирикопрозаического текста основывается на понимании лирической прозы как лаконичного прозаического текста с преобладающим чувственно-авторским «Я» и повышенно-эмоциональным (поэтическим) стилем речемышления. Однако эти критерии не могут быть абсолютно надёжными. Достаточно вспомнить важное для нас замечание А.А. Потебни. Поэзию, полагал учёный, можно встретить в любом произведении, «где определённость образа порождает текучесть значения, то есть настроение за немногими чертами образа и при посредстве их видит многое в них не заключённое, где даже без умысла автора или наперекор ему появляется иносказание» [5, с. 373].

---

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» № 633662011.

Столь глубокое лингвофилософское суждение корифея отечественной лингвопоэтики побуждает нас обратить внимание ещё на три речежанровые составляющие лирической прозы. Таковыми, на наш взгляд, являются: (а) воплощение морально-нравственных ценностей в предметно-чувственные образы; (б) актуализация имплицитных смысловых вариаций лексических значений; (в) дискурсивно и прагматически обусловленное иносказание – выражение, содержащее иной (скрытый) смысл через воплощение отвлечённых идей (представлений) в индивидуально-авторские словесно-художественные образы.

Выделенные нами признаки связаны с классическим пониманием жанра русской лирической прозы, представленным в концепции художественной прозы В.Б. Шкловского. Ученый отмечал, что жанр – это кристалл, через который анализируется жизнь. Своеобразием жанра русской лирической прозы является репрезентация системы культурных, православных и социально-психологических принципов поведения человека, социализированного в русской культуре. Речевой жанр – это когнитивно-поэтический кристалл, благодаря которому прозаический лиризм создаётся особыми нарративными средствами. Таковыми, прежде всего, являются: (а) обращение к смыслу человеческих чувств и переживаний (И.С. Тургенев, И.А. Бунин, А.И. Куприн, Н.С. Лесков, В.Н. Кручин), (б) лирическое описание природных явлений (М.М. Пришвин, К.Г. Паустовский), (в) повествование от первого лица (И.С. Тургенев, И.А. Бунин, И.С. Шмелёв, В.Н. Кручин), (г) воспоминание о детстве (И.А. Бунин, А.П. Чехов, И.С. Шмелёв, В.Н. Кручин). Лирикопрозаический речевой жанр представлен синтезом ассоциативно-чувственных поэтических рефлексом, осуществляющих его объединение и взаимодействие с другими речевыми жанрами, такими, как автобиография, воспоминание, исповедь, притча, житие. Этнокультурно ориентированная память является когнитивной доминантой речевого жанра лирической прозы. В связи с этим уместно напомнить, что ещё М.М. Бахтин соединял сущность речевого жанра с категорией «творческой памяти» [1, с. 122]. Выявленная нами специфика лирикопрозаических текстов, представляющих данный речевой жанр, указывает на ещё один его категориальный признак – речевое поведение. Особая стратегия речевого поведения объясняется присущими данному речевому жанру механизмами интерпретации действительности эготопом, порождает выбор тех индивидуально-авторских языковых средств, с помощью которых выстраивается вся архитектура лирикопрозаического текста. Под эготопом мы понимаем субъективно-индивидуальное восприятие действительности, соотносённость объекта художественного описания с «Я-личностью», создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок, то есть Я-пространство лирикопрозаического текста.

Взаимодействие речевого жанра и культуры базируется на диалогической природе и стилевой маркированности, поэтому речежанровая сущность лирикопрозаических текстов имеет бинарную природу: с одной стороны, это (а) продукт дискурсивной деятельности; с другой – (б) продукт историко-культурной обусловленности дискурса. В целом (как речежанровый и словесно-творческий феномен) лирическую прозу следует рассматривать как *художественно-стилистическую* разновидность словесного искусства, совмещающую в себе характерные черты прозы и поэзии. Достаточно точно её характеризуют часто используемые исследователями определения. Ср.: у В.М. Жирмунского – «поэтическая» или «чисто эстетическая», у Ю.Н. Тынянова – «поэтизированная», у Н.А. Кожевниковой – «неклассическая», «лирическая», «ритмизованная» и др. *Лирикопрозаический текст* в нашем понимании – это прозаическое произведение, которое, хотя и лишено стихотворной организации, имеет неповторимую лирическую архитектуру. Неслучайно жанровая принадлежность таких текстов обозначается также термином *лирическая проза*, в которой действительность отражается посредством вербализации субъективной коннотации, вызванной переживанием явлений жизни. В то же время лирическая проза – разновидность прозы: произведение любого прозаического жанра, эмоционально насыщенное, пронизанное авторским чувством. *Милый мой дом, берёза моя, которая всегда узнавала*

меня и сейчас тихо и ласково своими ветвями со свежими листьями касается моих щёк. Все съёжилось и уменьшилось (...). Но они есть в памяти, и так ощутимо, что я вслед за Аристотелем готов сказать, что идея предмета более живуча, чем сам предмет. Чувства определяют поступки и формируют память. А память – может быть, главная составляющая души (В.Н. Крупин. «Событие, вписанное в вечность»).

Вне всякого сомнения, лирикопрозаический текст – продукт дискурсивной деятельности: произведение лирикопрозаического жанра, пронизанное чувственным авторским восприятием жизни. Такая проза «проникает в святая святых человеческой души, личности, занятой не только заботами сегодняшнего дня, но и думами о прошлом и будущем, о важном и значительном. В лирической прозе действительность, правильно воспринятая человеческим сознанием, становится поэзией, которая одновременно является и «первородной прозой» [4, с. 171]. По своей семиотической природе лирикопрозаическое слово способно оценочно отображать всё, к чему обращается мысль писателя, – это «слово с проявленной ценностью» [2, с. 7]. Дискурс лирикопрозаического текста моделируется достаточно масштабно: через языковую деятельность, память, восприятие и ментальную природу мышления субъекта. Дискурсивное пространство русского лирикопрозаического текста представляет собой нелинейную систему прозаических текстов, речевой жанр которых характеризуется субъективным речемыслительным отображением действительности в его авторском чувственно-ассоциативном восприятии.

Лирикопрозаический дискурс представляет собой сложную ткань когнитивно-прагматического восприятия коммуникативного события, которое передаётся с помощью взаимного переключения субъективного и объективного планов нарратива, воскрешающих в памяти чувственные переживания в виде лирически оформленного авторского модуса. Дискурс лирикопрозаического текста является речемыслительной средой зарождения и развития уникального феномена человеческого духа, создаваемого путём взаимодействия в языковом сознании *языка, культуры и эготопа*. Причём в этой триаде эготоп является центральной креативной константой всей архитектоники лирикопрозаического дискурса, постоянно активизируемой процессами динамического обновления и возбуждения имплицитных жизнесмыслов в языковом сознании автора и читателя.

Преломляясь в эготопе и ассимилируя соответствующие эмотивно-смысловые впечатления, актуализируемые языковой памятью автора, художественно-словесная интерпретация описываемой действительности осуществляется в процессе вторичного ценностно-смыслового переосмысления на фоне социально значимых субъективных переживаний. Образующая при этом этнокультурная синергетика мысли, чувства и слова выступает главным фактором интенциональности лирикопоэтического текстопорождения. Когнитивным же основанием порождения лирикопрозаического текста выступает долговременная память, в каждой конкретной речевой ситуации актуализирующая те смыслы, которые, проходя через чувственность сенсорной модальности, выходят за её пределы – в мир амодального мировосприятия. Способность понять и оценить ситуацию «вытекает из возможности сравнить её с соответствующими ситуациями в прошлом опыте» [3, с. 116], сохраняющемся в долговременной памяти автора. Ср.: *В своё время, в очень давние уже годы, пришлось мне ехать машиной в ваших краях. Решили отдохнуть, отъехали от дороги к небольшой балочке. Из машины вышли – и словно иной мир. Описать не могу, но помню и через тридцать лет. Это было в мае или июне...*

Немножечко странновато, не правда ли? Обычная степная балка. Что в ней? "Пальмы юга" там не растут. Лишь – трава, кустарник, деревья. А вот помнится и через тридцать лет. Наверное, не зря (Б.П. Екимов. «Память лета»). Когнитивным основанием текстопорождения в памяти автора выступает, казалось бы, ничем не примечательная степная балка, на которой растут лишь трава, кустарник, деревья, но, сохраняясь в долговременной памяти автора и наполняясь чувственными воспомина-

ниями, эта информация окрашивается смысловой архитектурой амодального мировосприятия действительности.

Смыслорождающие топики лирической прозы основаны на подтексте, возникающем за счёт увеличения смыслового наполнения знака, а центральной фигурой этой синергетической деятельности является эготоп – обладатель поэтического сознания и лингвокреативного мышления. Дискурс лирикопрозаического текста характеризуется погружённостью в культурную и ментальную действительность. В лирикопрозаических текстах интерпретация ценностно-смысловой доминанты культурной памяти языковой личности (автора и читателя) обуславливает все категориальные аспекты сущности дискурса лирикопрозаического текста как синергетического единства текста, культуры и языковой личности.

Дискурсивная креативность автора лирикопрозаического текста заключается в порождении эготопа текста лирикопрозаического текста как конструктивного начального элемента его создания – репрезентации «Я» как феномена интенциональности. Когнитивно-коннотативное пространство лирикопрозаического текста репрезентируется не только через призму чувственных ассоциаций, но и при помощи лирического повествования, а ассоциативное переживание придаёт прозаическому восприятию автора поэтичность.

Следовательно, лирикопрозаический текст как особый речевой жанр представляет коммуникативное событие как сложную гамму ощущения реального фрагмента картины мира. Передаётся такое ощущение с помощью переключения субъективного и объективного планов нарратива, воскрешающих в памяти аффектное состояние в виде лирически оформленного авторского модуса.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Жанровая и сюжетно-композиционная особенности произведений Достоевского / М. М. Бахтин // Проблемы поэтики Достоевского. – Москва : Советская Россия, 1979. – С. 122.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Я. Гинзбург. – Москва : Интрада, 1997. – 414 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – Москва, 1997. – 245 с.
4. Лихачев Д. С. Литература – реальность – литература / Д. С. Лихачев. – Ленинград : Советский писатель, 1984. – 271 с.
5. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – Москва : Наука, 1976. – 614 с.

References

1. Bahtin M. M. Zhanrovaja i szuzhetno-kompozicionnaja osobennosti proizvedenij Dostoevskogo // Problemy pojetiki Dostoevskogo. Moscow, Sovetskaja Rossija, 1979, pp. 122.
2. Ginzburg L. Ja. O lirike. – Moscow, Intrada, 1997. 414 p.
3. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubrjakova, V. Z. Dem'jankov, Ju. G. Pankrac, L. G. Luzina. Moscow, 1997. 245 p.
4. Lihachev D. S. Literatura – real'nost' – literatura. Leningrad, Sovetsky pisatel', 1984. 271 p.
5. Potebnja A. A. Jestetika i pojetika. Moscow, Nauka, 1976. 614 p.